

Символическая закономерность человеческих имен и прозвищ в средневековой литературе

Мака ЭЛБАКИДЗЕ

Институт грузинской литературы им. Шота Руставели

Ключевые слова: *средневековая литература; имена и прозвища; грузинская литература; Кретьен де Труа; «Ивэйн, или Рыцарь со Львом»; «Витязь в тигровой шкуре», Шота Руставели.*

Одним из характерных признаков средневековой литературы следует признать специфику оформления названий произведений. Как отмечает Евгений Бертельс, в названии восточного героического эпоса отмечалось имя героя, к которому добавлялось слово 'наме', соответственно, название любовной романтической поэмы строилось на именах возлюбленных. По мнению ученого, эта твердо утвердившаяся в восточной эпике традиция перешла из древнегреческого романа (Бертельс 1940, 63). Влияние данной традиции ощущается и в европейском рыцарском романе, где непосредственно в названии отмечается имя главного персонажа или влюбленной пары («Клижес», «Эрек и Енида», «Тристан и Изольда», «Роман об Александрре», «Флуар и Бланшефлор» и т. д.).

В этом смысле особый интерес вызывает творчество Кретьена де Труа. В заглавие его произведений вместе с именем главного героя выносятся иконический символ характерных только для этого конкретного персонажа качеств: напр., лев – куртуазность («Ивэйн, или Рыцарь со Львом»); телега – влюбленность («Ланселот, или Рыцарь телеги»); Грааль – благородство («Парсеваль, или повесть о Граале») и т. д.

Название самого раннего романа Кретьена де Труа «Эрек и Енида» создано под влиянием традиционных романтических поэм, но упоминание имени возлюбленной дамы (в данном случае – жены) рядом с именем рыцаря подчеркивает тот факт, что Енида является таким же полноценным действующим лицом романа, таким же активным участником 'авантюры', как и ее супруг рыцарь. «Клижес» признан типичным экспериментальным романом, созданным в результате пересечения византийских и бретонских мотивов (Мелетинский 1983, 104), когда даже название оформляется под влиянием византийской литературной традиции.

Мы проанализируем один из романов Кретьена де Труа «Ивэйн, или Рыцарь со Львом», который привлекает внимание именно второй частью

его названия. Достаточно сложно судить о символической нагрузке образа Льва в этом романе. По мнению Артура Брауна, у прозвища *Рыцарь со львом* могут быть кельтские корни, или оно может восходить к той эпохе, когда существовала традиция помещать на боевом щите герб с изображением льва (примечательно, что и в настоящее время на гербе Британии и Северной Ирландии, предположительно, еще с эпохи раннего Средневековья, на помещенном в центре щите красуются три золотых леопарда и красный лев). С точки зрения геральдики не существует разницы между львом и леопардом, их изображения практически идентичны, только животное, стоящее на двух ногах, именуется львом, а стоящее на четырех ногах – леопардом. Следует отметить и тот факт, что на гербе Англии три золотых льва появились во времена Ричарда Львиное Сердце, около 1195 года, вследствие чего вероятно, что это связано в определенной степени и с прозвищем Ричарда, тем более, что в геральдике самые популярные изображения, животные и птицы, обычно и являлись символами рыцаря. Следовательно, в соответствии с характерным для рыцарского круга этикетом многие рыцари носили титулы определенного животного или птицы. Так, например, Рыцарь Орла, Рыцарь Дракона, Рыцарь Лебедя – Лоэнгрин и т. д. (В г о w n 1968, 130).

Артур Браун приводит достаточно пространную цитату из прозаического «Ланселота», в котором, по его мнению, наиболее отчетливо видно происхождение прозвища *Рыцарь со Львом*: чтобы завоевать сердце прекрасной дамы Ланселот вступает в битву с грозным львом, душил его, а шкурой животного покрывает свой щит. С этого момента его прозвищем становится *Рыцарь со Львом*. Возможно, в литературную версию «Ивэйна» это прозвище перешло именно из прозаического «Ланселота», где уже стало независимым мотивом (В г о w n 1968, 131–132).

Лев в произведении Кретьена появится после того, как безумный Ивэйн излечится с помощью бальзама феи Морганы и вернется к обычной жизни. После выздоровления его первой битвой станет именно битва за спасение льва. Ивэйн спасет животное от ядовитой змеи, завоевав тем самым его вечное доверие и верность. С того момента благодарный лев будет постоянно следовать за своим спасителем и патроном, самоотверженно бороться рядом с ним и в решающий момент поможет ему завоевать победу (примечательно, что характерные для института вассалитета принципы своеобразно реализуются и в мотиве льва). Автор в деталях описывает те поединки, которые проводит Ивэйн не только для завоевания славы, но и для помощи попавшему в беду ближнему, при этом особенно подчеркивается, что без льва рыцарь был не в силах одержать решающую победу.

Каждый успешный поединок становится шагом, ведущим к возвращению любимой, вследствие чего образ льва приобретает еще большую функциональную нагрузку и становится носителем определенного символического смысла. Лев в романе Кретьена де Труа не только символ мужества, доблести и куртуазности, но и своеобразный путь к восстановлению разрушенной

гармонии, к возвращению утраченной любви и счастья. Тем более, что Ивэйн под данным прозвищем упоминается лишь после того, как, лишившись рассудка от потери возлюбленной, он излечивается от тяжелейшего недуга и начинает стремиться к возвращению расположения супруги.

Специфическую интерпретацию указанного мотива мы обнаруживаем в «Вепхисткаосани» («Витязе в тигровой шкуре») Руставели, в романе, где главный герой предстает облаченным в тигровую шкуру. Само название «Вепхисткаосани», т.е. облаченный в тигровую шкуру, существенно отличается от прозвищ европейских рыцарей. Тариэл не является *Рыцарем Тигра*. Его прозвище имеет совершенно иную символическую нагрузку, которая не ограничивается только ношением шкуры животного (Александр Барамидзе в статье *Фирдоуси и Руставели* рассматривает мотив ношения рыцарем шкуры тигра и отмечает, что если Тариэлу шкура тигра напоминает облик возлюбленной Нестан, у Фирдоуси символика кожи не разрывает обычных границ: в данном случае она лишь символ геройства и мужества (Б а р а м и д з е 1938, 51–58).

По данному вопросу существует несколько различных точек зрения. Мосе Гогиберидзе связывает данную проблему с «выбором цвета и символическим отношением к цветам» в творчестве Руставели. По мнению ученого, «Тигровая шкура – это шахматный фон, состоящий из желтого и черного цветов, которые в человеке вызывают чувство почтения и уважения. Воспринятая глазом художника символика этих цветов превратилась в поэтический символ художника, и Руставели назвал свою гениальную поэму именно этим символическим названием «Вепхисткаосани» (Г о г и б е р и д з е 1961, 83).

Александр Барамидзе считает, что «тигр является образом Нестан для Тариэла, признаком Нестан, ее символом». Ученый рассматривает эпизод встречи Тариэла с Нестан-Дареджан, когда разгневанная возлюбленная предстанет Тариэлу в облике тигрицы, лежащей на краю скалы». С этого момента между Нестан и тигром возникает неразрывная ассоциация. Потеряв Нестан, Тариэл облачается в тигровую шкуру. Тигр станет для Тариэла образом-идеей возлюбленной. Так тигровая шкура объединяет двух персонажей – Тариэла и Нестан, и, следовательно, этому символу присущ синкретический характер. *Вепхисткаосани* как художественный образ в определенной степени выражает и возлюбленную, и поклоняющегося ей, любовь и влюбленного, женщину и мужчину (Б а р а м и д з е 1975, 89–90).

По мнению Виктора Нозадзе, в ношении Тариэлом тигровой шкуры отсутствуют как мифолого-религиозные, так и исторические корни (ученый приводит не один пример ношения шкуры животного, в частности тигра: индийский бог Шива облачен в тигровую одежду; высшие жрецы Египта и нубийские вельможи носили тигровую шкуру; тигровая шкура и у героя вавилонского эпоса Гильгамеша, у героя древнегреческого мифа Ясона, у гомеровского Париса, у персонажа «Шахнаме» Фирдоуси, у первого царя иранцев Саюмора и его подчиненных и т. д. (Н о з а д з е 2005, 418–420).

«Тариэл наделяет тигровую шкуру образом Нестан, делает ее символом. В то же время в сознании Тариэла и в поэзии вообще тигр является выражением прекрасного. Тариэл сравнивает этого тигра – символ прекрасного – с Нестан и отождествляет с ней. Тем самым тигр становится полным символом Нестан». В то же самое время «тигр для Тариэла является не только прекрасным сравнением с ним, но и любовью к ней, поэтому Нестан Тариэл всегда носит с собой этот символ и этим выражает свое преклонение перед ней» (Ibid., 421–422).

В литературоведении существует попытка объяснения мотива льва/тигра мистико-аллегорическим путем. В соответствии с указанной точкой зрения, тигровая кожа – символ царской инициации, поскольку связан с рождением и возрождением. Тариэл – эзотерическое имя богочеловека, носитель тигровой шкуры – символ первочеловека и первобога, чей аспект проявляется в образе Микел-Георгия, и содержит как его дохристианские, так и христианские аспекты (Г а м с а х у р д и я 1991, 190; 202). «Тариэл воплощает в себе первосозданного Адама, Логос, божественный фирмаментум, мир которого представляет как тигровую кожу. Поскольку, в соответствии с «Физиологией» Василия Великого, тигр, пантера – символы Христа, *вепхисткаосани* фактически совпадает с агиографическим пониманием облаченного в Христа» (Ibid., 246).

Достаточно интересной интерпретацией данной проблемы нам кажется мнение Тедо Исакадзе о том, что у кожи тигра возможен мифологический архетип, в частности связанный с эпизодом о библейском Якове и его брате, волосатом Исаве. Волосатый покров Исавы является тем же одеянием Адама, собственностью старшего брата. В Исаве присутствуют силы мистерии Солнца, в Якове – Луны. Мифические волосы Исавы – показатель его причастности к Солнцу, к раю. Тедо Исакадзе считает архетипом тигровой шкуры Тариэла кожу Исавы и первозданную мантию, которая становится отзвуком мистерий Солнца, т.е. эпохи *рая*, поэтому Тариэл становится рыцарем, носителем миссии Солнца. Автандила можно сравнить с Яковом, предстающим с собственным *я* и борющимся за самоутверждение. Для него характерна устремленность в сторону лунных мистерий, вследствие чего Тариэла и Автандила мы можем причислить к рыцарям Луны. С Яковом Исакадзе связывает Гамурета – персонажа «Парцифаля» Вольфрама фон Эшенбаха, младшего, безземельного сына, а его старшего брата, Галиуса, владеющего фамильным гербом (шкурой леопарда) и наследством, – с Исавом (Рыцарем Солнца) (И с а к а д з е 1989, 135–146).

Данная точка зрения очень интересна, тем более, что употребление метафоры *солнце* по отношению к рыцарю (что является типичным приемом в «Витязе в тигровой шкуре») и восприятие его как рыцаря Солнца встречаются в размышлениях некоторых западноевропейских медиевистов. Например, в посвященных изучению источников «Ивэйна» работах Эрнста Райса отмечается, что в прозвище Ивэйна уэльское слово *liew* (*lion* – лев)

спутано со словом Lieu (light – свет), в результате чего лев стал признаваться символом Солнца, а Ивэйн, соответственно, – *Рыцарем Солнца*, по причине чего ему можно приписать солнечные символы, в частности *рыцарство Льва* (Brown 1968, 131).

Несмотря на вышесказанное, в средневековых европейских рыцарских романах не подтверждается ни один факт упоминания метафоры *солнце* применительно к персонажу, а связывание друг с другом символов солнца и льва не выходит за пределы теоретических рассуждений. В «Витязе в тигровой шкуре» метафоры *солнце* и *лев* чаще всего применяются вместе по отношению к героям-рыцарям («Лев и солнце» – так обращаются караванщики к Автандилу) (Руставели 1983, 160); об отправившихся в путешествие из Мулганазанзара в Аравию Тариэле, Автандиле и Фридоне сказано: «От Придона уезжая, как три солнца львы летят» (Руставели 1988, 220).

На наш взгляд, метафоры *лев* и *солнце* являются в «Витязе в тигровой шкуре» показателем мужественности и доблести, исключительности идеального персонажа, в данном случае – рыцаря (мы сознательно обходим стороной вопрос об астрологическом значении художественных образов *солнца* и *льва*, который считаем предметом отдельного исследования). Как справедливо отмечает Георгий Надирадзе, лев как эстетический символ мирового масштаба с самого начала был выражением мужской красоты, силы, твердости. Солнце в эстетическом мире Руставели представлено как *лучшее*, сияющее, прекраснейшее среди светил. «Сравнение человека с солнцем и утверждение, что он превосходит по красоте солнце, должно указывать на то, что в реальности человек представляет такую вершину прекрасного, которая является недостижимой для любого иного феномена природы» (Надирадзе 1958, 174–178, 394).

На наш взгляд, очень интересны соображения Реваза Сирадзе о символическом значении тигра и его художественной функции в романе, для соответствующего осмысления которого большое значение имеет интерпретация как прозвища главного персонажа, так и названия произведения. С точки зрения ученого, *Вепхисткаосани* обладает двухступенчатой символикой: «Тигровая шкура воплощает образ Нестан, а затем уже весь этот облик выражает Тариэла. Носитель тигровой шкуры прямо подразумевает Тариэла, а символически – Нестан» (Сирадзе 1982, 187). Поцелуй тигра, по мнению Сирадзе, является символом ощущения единства смерти–жизни. «Наполненность жизнью играет со смертью. Наполненность жизнью – это любовь, и если любовь рождает жизнь, она рождает и смерть. Тариэл убивает тигра, чтобы этой смертью побороть смерть. Уничтожает смерть, существующую в живом, убивает тигра и превращает его в чистый символ любви, в шкуру тигра, чтобы самому *облачиться* в эту любовь. Но для него любовь остается только эстетическим фактом и отсюда исходит его чувство неудовлетворенности. Ношение тигровой шкуры – это трагедия Тариэла, и естественно, что его желанием становится не носить тигровую шкуру» (Сирадзе 1987, 35).

Мы разделяем это мнение, поскольку оно полностью выражает суть художественного образа тигра. *Вепхисткаосани* – это безгранично влюбленный в Нестан и отчаявшийся после ее потери Тариэл. Целесообразно обратить особое внимание на этот последний момент, поскольку Тариэл становится *вепхисткаосани* (облаченным в тигровую шкуру) именно после того, когда у него иссякает надежда вновь обрести Нестан, он избегает общения с людьми, обитает в пещере и ни о чем другом не мечтает, кроме смерти. В образе тигровой шкуры Тариэл *облачен* в трагедию, вызванную утратой любимой, для того, чтобы лик Нестан, думы о ней, переживание этой трагедии не оставляли его ни на минуту. Эта заложенная в символ тигра глубокая мысль наполняет художественный образ персонажа психологизмом, в этом кроется отличие от соответствующего мотива в «Ивэйне» Кретьена де Труа.

Прозвище *Рыцарь со Львом* Ивэйн получает после утраты любви своей супруги, но не в момент безумия и одичания, а после того, как излечивается с помощью волшебной магии и начинает стремиться к воссоединению с любимой. Если в прозвище *вепхисткаосани* воплощается трагизм личности, ее отчаяние и стремление к смерти, то в *Рыцаре со Львом* выражается устремленность героя к счастью, его оптимизм. Если для Тариэла *ношение тигровой шкуры* – трагедия, то для Ивэйна прозвище выражает его храбрость, определяет его куртуазность и добавляет величия к его и так доблестному имени.

Таким образом, несмотря на то, что прозвище *вепхисткаосани* в определенной степени является отзвуком распространенной в рыцарском мире традиции, его символическое осмысление гораздо глубже и психологически насыщеннее, нежели в средневековом европейском рыцарском романе.

Библиография

- В о w n 1968 – Arthur C. L. Brown, *Iwain, Study in the Origins of Arthurian Romance*, New York: Haskell House Publishers Ltd.
- Б а р а м и д з е 1938 – Александр Барамидзе, «Фирдоуси и Руставели», *Труды ТГУ*, II, 51–58 (на груз. яз.).
- Б а р а м и д з е 1975 – Александр Барамидзе, *Шота Руставели*, Тбилиси: Издательство ТГУ.
- Б е р т е л ь с 1940 – Евгений Бертельс, *Великий азербайджанский поэт Низами*, Баку: АЗФАН.
- Г а м с а х у р д и я 1991 – Звиад Гамсахурдия, *Язык образов «Витязя в барсовой шкуре»*, Тбилиси: Мецниереба (на груз. яз.).
- Г о г и б е р и д з е 1961 – Мосе Гогиберидзе, *Руставели, Петрици, Прелюдии*, Тбилиси: Сабчота мцeralи (на груз. яз.).
- И с а к а д з е 1989 – Тедо Исакадзе, «Рыцари солнца и луны», *Мнатоби*, № 12, 135–146 (на груз. яз.).
- М е л е т и н с к и й 1983 – Евгений Мелетинский, *Средневековый роман, Происхождение и классические формы*, Москва: Наука.
- Н а д и р а д з е 1958 – Георгий Надирадзе, *Эстетика Руставели*, Тбилиси: Сабчота Сакартвело (на груз. яз.).

- Н о з а д з е 2005 – Виктор Нозадзе, *Полное собрание сочинений в десяти томах*, т. II, Тбилиси: Мецниереба (на груз. яз.).
- Р у с т а в е л и 1983 – Шота Руставели, *Витязь в тигровой шкуре*, Тбилиси: Мерани.
- Р у с т а в е л и 1988 – Шота Руставели, *Витязь в тигровой шкуре*, Тбилиси: Мерани.
- С и р а д з е 1982 – Реваз Сирадзе, *Язык образов. Разговоры о грузинской эстетике*, Тбилиси: Накадули (на груз. яз.).
- С и р а д з е 1987 – Реваз Сирадзе, *Литературно-эстетические очерки*, Тбилиси: Ганатлеба (на груз. яз.).

Мака Elbakidze

Simboliniai žmogaus vardų ir pavardžių dėsningumai viduramžių literatūroje

S a n t r a u k a

Pagrindiniai žodžiai: *viduramžių literatūra, vardas ir pravardė, gruzinų literatūra, Chrétienas de Troyes, Vepchistkaosani, Karžygys tigro kailiu, Šota Rustaveli.*

Vienas iš skiriamųjų viduramžių literatūros bruožų yra specifinis kūrinių pavadinimo būdas, kai kartu su pagrindinio herojaus vardu pavadinime yra paminimas portretinis simbolis bruožų, būdingų tik tam konkrečiam personažui: pvz., liūtas – pagarbos simbolis (*Ivenas, arba Liūto riteris*); vežėčios – meilės simbolis (*Lanselotas, arba Vežėčių riteris*); Gralis – kilmingumas (*Persevalis, arba Pasakojimas apie Gralį*), ir t. t. (rytietiškuose viduramžių herojiniuose eposuose žodis *nahme* yra pridodamas prie herojaus vardo).

Specifinę minėto motyvo interpretaciją galima rasti Š. Rustaveli kūrinyje *Vepchistkaosani* (*Karžygys tigro kailiu*). Tai romantinė poema, kurioje herojus vaizduojamas kaip karžygys, susisiautęs tigro kailiu. Pats žodis *vepchistkaosani* iš esmės skiriasi nuo Europos riterių pravardžių. Tarielis nėra „tigro riteris“. Jo pravardė *vepchistkaosani* (tigro kailio dėvėtojas) turi visiškai kitokią simbolinę reikšmę, neapsiribojančią vien gyvūno kailio dėvėjimu. *Vepchistkaosani* yra dvipakopis simbolis. Tigro kailis yra siejamas su Nestana, o po to jau visas paveikslas išreiškia Tarielį. *Vepchistkaosani* tiesiogiai implikuoja Tarielį, bet simboliškai jis yra susietas su Nestana. Reikia pažymėti, kad Tarielis tampa *vepchistkaosani* tik praradęs bet kokią viltį surasti Nestaną; jis apleidžia žmonių pasaulį ir gyvena atsiskyres oloje, tetrokšdamas vien mirties. Tigro kailis simbolizuoja tragediją, kurios yra „apsuptas“ susisielojęs Tarielis, netekęs savo mylimosios; tuo būdu Nestanos vaizdas, mintys apie ją, prisiminimai apie šią tragediją niekada jo nepalieka. Tigro kailio dėvėjimas pabrėžia ne tik herojaus drąsą, laimės siekimą, jo optimizmą (kaip, tarkime, yra Iveno atveju), bet taip pat ir žmogaus tragediją, jo nevirtį ir troškimą mirti. Tarielis, žudydamas tigrą, trokšta nuslopinti mirtį mirtimi. Jis pašalina mirtį iš gyvenimo, užmuša tigrą ir paverčia jį gryną meilės simboliu, apsisiausdamas tigro kailiu lyg savo meile. Tačiau meilė išlieka jam grynai estetiniu faktu, iš čia ir kyla nepakankamumo jausmas. Buvimas *vepchistkaosani* – Tarielio tragedija, todėl natūralu, kad jis trokšta nebūti *vepchistkaosani*. Taigi simbolinis Tarielio pravardės suvokimas yra įmanomas tik atsižvelgiant į jo gilų psichologinį supratimą.

Maka Elbakidze

The Symbolic Regularity of Human Names and Nicknames in Medieval Literature

S u m m a r y

Keywords: *medieval literature, name and nickname, Georgian literature, Chretien de Troyes, Yvain, Vepkhistqaosani, The Knight in the Panther's Skin, Shota Rustaveli.*

One of the distinguishing features of medieval literature is to be attributed to the specific character of entitling the literary works when along with the name of a main character, an iconic symbol of traits characteristic only for that concrete personage is put in the title: e.g. a lion – courtesy (*Yvain, the Knight of the Lion*); a cart – being in love (*Lancelot, the Knight of the Cart*); Grail – nobility (*Perceval, the Story of the Grail*), est., (cf. with oriental medieval heroic epics when the word *nahme* is added to the hero's name).

Specific interpretation of the mentioned motif is found in Shota Rustaveli's '*Vepkhistqaosani*' (*The Knight in the Panther's Skin*), a romance in which the main hero is represented as a knight clad in the pelt of a tiger. The word '*vepkhistqaosani*' itself essentially differs from the nicknames of European knights. Tarel is not a "knight of a tiger" (cf. Chretien de Troyes's *Yvain*). His nickname, '*vepkhistqaosani*', (wearer of tiger's skin) has completely different symbolic meaning and is not limited only with the wearing of the animal's skin. '*Vepkhistqaosani*' is a two-step symbol. The tiger's skin is associated with Nestan and then this whole image expresses Tarel. '*Vepkhistqaosani*' directly implies Tarel but symbolically it is related to Nestan. It should be noted that Tarel becomes '*vepkhistqaosani*' only after giving up all hope of finding Nestan; he abandoned the world of men and dwelled in solitude in a cave with the only wish to die. Tiger's skin symbolizes the tragedy in which grief-stricken Tarel is 'wrapped' because of the loss of his beloved one and, thus, Nestan's image, thoughts about her, experience of this tragedy never leave him even for a second. Not only the knight's boldness, striving for happiness, his optimism (as it is, let us say, in the case of *Yvain*) are highlighted in the 'wearing of tiger's skin', but the tragedy of personality, his despair and aspiration of death. When Tarel kills the tiger, he wants the death be suppressed with death. He eliminates the existence of death in life, kills the tiger and turns it into pure symbol of love, tiger's skin, so as to wrap himself in this love. However, love for him remains a pure aesthetic fact and from here comes his feeling of insufficiency. Being a '*vepkhistqaosani*' is Tarel's tragedy and, naturally, it is his wish not to be '*vepkhistqaosani*'. Thus, symbolic comprehension of Tarel's nickname is possible with taking into account its deep psychological insight.

М а к а Э Л Б А К И Д З Е

Институт грузинской литературы им. Шота Руставели

ул. М. Костава № 5

0108 Тбилиси

Грузия

[makael2004@yahoo.com]